

**К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ РОМАНА-ЭПОПЕИ
Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»**

Т. С. Иващенко

Проблема соотношения художественного вымысла и исторической достоверности в искусстве одна из самых дискуссионных. Не случайно практически параллельно с выходом четвертого тома романа Л. Н. Толстого «Война и мир» начинается острая полемика о степени достоверности событий, ставших исторической основой повествования. Интересно, что исторические реалии, воссозданные в первых частях эпопеи, не задели патристических чувств современников с той силой как начавшаяся дискуссия по поводу художественной интерпретации отечественной войны 1812 года.

Не будем останавливаться на литературной критике современников Толстого, поскольку главный вопрос заключался в определении жанровой принадлежности монументального сочинения. Общим итогом можно назвать соглашение в том, что произведение соединяет в себе элементы романного повествования, но не может быть однозначно причислено к историческому литературному жанру. Монументальность и всесторонность охвата представленной эпохи подвигает к определению «Войны и мира» как эпического сочинения. Известно, что сам Л. Н. Толстой поставил точку в развернувшейся полемике, определив жанр одновременно емко и лаконично – Книга, вероятно имея в виду «книгу книг». Возможно, такое понимание автором своего сочинения оправдано, поскольку выход за пределы всех существующих жанровых определений очевиден. В рамках данной статьи будет использоваться наиболее распространенное жанровое определение «Войны и мира» Л. Н. Толстого как романа-эпопеи.

Задачей данного обзора является рассмотрение эпического труда Толстого с исторической точки зрения. Необходимо отметить, что к настоящему времени сложился довольно широкий и разноплановый корпус исследований по данному вопросу. Проблемы, связанные с оценкой исторической достоверности романа были предметом критических статей современников писателя. В первую очередь можно назвать его соратников по литературному цеху – П. В. Анненкова, Н. С. Лескова, Н. Н. Страхова, П. А. Вяземского и других авторов. Позднее вопрос об источниках эпопеи рассматривался А. В. Амфитатовым, А. К. Бороздиным, А. И. Кирпичниковым, К. Н. Леонтьевым, Д. С. Мережковским. На рубеже 20–30-х годов прошлого века уделили внимание данному вопросу в своих монографиях Н. Н. Апостолов (Арденс), Б. В. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум. Исследователи более позднего периода также обращали внимание на вопрос соотношения исторической, документальной реальности и «художественной правды» Толстого.

Остановимся более подробно на откликах современников писателя по поводу исторической достоверности романа-эпопеи, поскольку в них отражается столкновение сложившихся в общественном мнении представлений о недавней эпохе 1812 года. Поэтому основной задачей данной статьи является выяснение влияния на процесс создания эпопеи распространенных официальных версий событий. Хотя по собственному признанию писателя для него были гораздо важнее другие источники – мемуарная литература, публицистика, дневники и эпистолярное наследие участников Отечественной войны 1812 года, а также непосредственное общение с очевидцами событий. Но данный обширный объем источников предполагает отдельное, в большей степени литературоведческое исследование.

Впервые об исторической достоверности романа-эпопеи высказались историки и военные деятели. Так, одним из первых в 1868 году на страницах авторитетного журнала «Военный сборник» выступил ветеран войны, в недалеком прошлом министр народного просвещения А. С. Норов. Он находит в описании военных действий целый ряд неточностей. Но более всего он упрекает Толстого за то, что он не просто вставлял в роман военные эпизоды,

но облакал «их стратегическими рассуждениями, рисуя боевые диспозиции, и даже планы батальев, давая всему этому характер исторический...» [1: 210].

Вслед за Норовым свое отрицательное мнение об исторической достоверности романа выражает очевидец войны 1812 года, авторитетный литератор пушкинской поры П. А. Вяземский. Он отмечает смешение документальной истории и ее художественной интерпретации как непропорциональное и неестественное с точки зрения литературного жанра. Образцом подобного соединения, по его мнению, являются романы Вальтера Скотта, где основная сюжетная интрига происходит на историческом фоне. Именно фоновое использование реалий эпохи Вяземский считает достаточным для исторического повествования.

Несмотря на критическое отношение к эпопее Толстого, это были в основном несогласия творческого, художественного плана. Более жесткому историческому анализу описание эпохи Отечественной войны 1812 года в романе подвергают профессиональные военные историки. Так, например, многих возмущало понимание Толстым истории как надличностного процесса, не зависящего ни от военной стратегии и тактики, ни от воли главных действующих лиц – Наполеона, Александра I и М. И. Кутузова.

Нарастающий вал вопросов Толстой надеялся остановить своим открытым высказыванием «Несколько слов по поводу книги «Война и мир», впервые опубликованном в № 3 журнала «Русский архив» за 1868 г. [2]. Заявляя, что его сочинение «не роман, еще менее поэма, еще менее историческая хроника», писатель отстаивает свое право на собственное видение важного для многих современников периода отечественной истории. Толстой подчеркивает, что его разногласие с историками «не случайное, а неизбежное», и свою задачу он видит не в повторении уже сложившихся стереотипов восприятия известных личностей, как, например, бесконечно смотрящий в подзорную трубу Кутузов или поджигающий Москву Растопчин, а в попытке постигнуть саму сущность своих героев, даже если она не соответствует сложившейся типичности. «Как историк будет неправ, ежели он будет пытаться представить историческое лицо во всей его цельности, во всей сложности отношений ко всем сторонам жизни, так и художник не исполнит своего дела, представляя лицо всегда в его значении историческом. <...> Для историка, в смысле содействия, оказанного лицом какой-нибудь одной цели, есть герои; для художника, в смысле ответственности этого лица всем сторонам жизни, не может и не должно быть героев, а должны быть люди» [2].

Вопрос различия художественной и исторической правды в данной статье обретает еще более полемическое звучание, когда речь заходит об исторических источниках, использованных писателем в процессе создания эпического произведения. «Для историка (продолжаем пример сражения) главный источник есть донесения частных начальников и главнокомандующего. Художник из таких источников ничего почерпнуть не может, они для него ничего не говорят, ничего не объясняют. Мало того, художник отворачивается от них, находя в них необходимую ложь».

Будучи участником Севастопольского сражения Л. Н. Толстой приводит в пример свой жизненный и военный опыт, отмечая, насколько расходятся описания очевидцев в первое время после события, и какое оказывает влияние на восприятие этих же людей последующая официальная интерпретация. Именно реляции военных чиновников, по мнению Толстого, превращают живой хаос первых впечатлений в жесткую схему, где нет места разночтениями и субъективным трактовкам. Такую трансформацию писатель называет ложью, вытекающей «из потребности в нескольких словах описывать действия тысяч людей, раскинутых на нескольких верстах, находящихся в самом сильном нравственном раздражении под влиянием страха, позора и смерти. <...> Через месяц и два расспрашивайте человека, участвовавшего в сражении, – уж вы не чувствуете в его рассказе того сырого жизненного материала, который был прежде, а он рассказывает по реляции» [2].

Не удивительно, что подобные заявления писателя не могли оставить историков равнодушными. Вскоре выходит в свет развернутая критика профессора Академии генерального штаба полковника А. Витмера «1812 год в «Войне и мире»: По поводу исторических указаний IV тома «Войны и мира» гр. Л. Н. Толстого. – СПб, 1869» [3]. Автор выражает принципиальное несогласие с Толстым и по поводу его литературного видения событий отечествен-

ной войны 1812 года, и по самой постановке вопроса соотношения истории документальной и ее художественной интерпретации. Он принципиально подходит к роману как к историческому сочинению. «IV том «Войны и мира» дает полное право относиться к нему с тою же строгостью, как и ко всякого рода историческому труду, потому что здесь автор-художник отходит на второй план, уступая место историку, философу и историческому критику». Он упрекает Толстого в самонадеянности, называя писателя не иначе как «зарвавшийся самоучка». Не менее резкими были и отзывы на роман-эпопею военного историка М. И. Богдановича [4]. Но о причинах его негодований будет уместней сказать чуть позже.

В последующие годы не одно поколение исследователей творчества великого писателя проводили параллели романа с документами эпохи 1812 года и историческими трактатами. На сегодняшний день самый полный список использованных Толстым исторических источников представлен в 16-м томе полного собрания сочинений писателя в 90-х томах. Из общего числа источников, 44 – издания на русском, 30 – на французском языке, что свидетельствует о стремлении автора исследовать проблему со всех сторон [5]. Основанный на дневниках и черновых пометках писателя на страницах романа этот список можно назвать почти исчерпывающим.

В то же время не до конца прояснен вопрос о влиянии на Толстого всего спектра имеющихся к тому времени свидетельств об эпохе 1812 года. Достаточно обратиться к каталогу отдельных печатных изданий (помимо публикаций в периодике), выпущенному в 1876 году И.П. Липранди, где отмечено 1074 наименований. Даже, делая скидку на прошедшие семь лет после выхода романа-эпопеи, эта цифра впечатляет! Надо отметить, что некоторые издания, писавшиеся по особому распоряжению свыше, получили широкое распространение в обществе. Поэтому мнение современников Толстого о войне 1812 года было результатом своего рода пропагандистской стратегии. Вполне возможно, что значительная часть общих представлений об эпохе 1812 года, повлиявших на создание романа-эпопеи, нигде не зафиксирована. Поэтому использование упомянутого списка Толстого в качестве единственного критерия историчности было бы не совсем корректно.

В этой связи немаловажным становится вопрос – что представляла собой ко времени написания романа Л. Н. Толстым официальная историография Отечественной войны 1812 года в России и за рубежом? Рассмотрение данного вопроса поможет более детально разобраться в оценке распространенных во время написания романа общественных мнений и представлений об эпохе 1812 года. Зная эти дополнительные обстоятельства, будет более понятен уровень и страстность развернувшейся впоследствии полемики писателя и историков. Все эти, на первый взгляд дополнительные характеристики, могут придать дискуссии о соотношении художественной и документальной правды дополнительный объем.

В рамках данной статьи невозможно отразить всю последовательность формирования отечественной и зарубежной историографии по вопросам войны 1812 года в России. Эту работу блестяще проделал в своей монографии «Война 1812 года в отечественной историографии» профессор кафедры истории Военного университета, доктор исторических наук Шеин Игорь Александрович [6]. Остановимся лишь на официальных версиях, доступных массовому читателю эпохи написания романа-эпопеи и имевших широкий общественный резонанс. Выбор данного сектора историографии не случаен. Доступ к материалам Военно-ученого архива, равно как и к документам из Собственной его императорского величества канцелярии и другим архивным источникам по военной компании 1812 года был ограничен. Необходимость проходить сложные согласования с различными инстанциями, получение особого разрешения Военно-ученого комитета для работы с документами этого периода были серьезными препятствиями для исследовательской работы. Как отмечает И. А. Шеин, «вплоть до начала 70-х годов XIX века публикации архивных документов были весьма незначительны. Первоисточники из государственных архивов использовались только при написании официальной истории войны А. И. Михайловским-Данилевским и М. И. Богдановичем, которые помещали их непосредственно в тексте или выносили в приложения» [6: 30].

Такие меры предосторожности были не безосновательными. Далекое не все имеющиеся сведения подходили под создание образа народа-победителя, каким он являлся в общенарод-

ном представлении. Сокращения имеющихся документальных свидетельств о военной кампании 1812 года приходилось делать практически всем «назначенным» историкам. Например, А. И. Михайловский-Данилевский исключил из первого варианта своей монографии донесения князя М. И. Кутузова императору от 19 августа из Гжатска о поимке более 2000 русских дезертиров и мародеров. Именно для укрепления официальной трактовки событий 1812 года как народного единения в противостоянии мощному иноземному агрессору доступ к архивной документации обозначенного периода был строго лимитирован. Соответственно, Лев Николаевич Толстой, работая в архивах, имел возможность пользоваться в большей степени известными и доступными документами.

Первые публикации о вторжении войск Наполеона в Россию выполняли информативную и мобилизующую роль. Это были официальные правительственные обращения к согражданам и всевозможные публицистические издания – заметки с театра военных действий, памфлеты, политическая сатира и т. д. Общим началом во всех публикациях было стремление выразить пафос патриотизма и уверенность в будущей победе над вероломным врагом. Но уже в первый послевоенный год на основе публикаций в открытых источниках и в соответствии с цензурными ограничениями выходят работы, претендующие на изложение основных этапов исторических сражений. [7]. Таким образом, закладываются основы официальной хронологии прошедших событий. Перед авторами не ставится задача глобального научного осмысления важного для отечественной истории периода. Не случайно вскоре в журнале «Сын Отечества» выходит статья Ф. Н. Глинки «Рассуждение о необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года [8: 138–162].

Обратившись к списку исторической библиотеки Толстого в ясной поляне, можно отметить несколько изданий начального периода войны, выражающих непосредственное восприятие современниками исторических событий [9]. Также, исходя из наличия в данном перечне периодических изданий, очевидно знакомство Толстого с дискуссией на страницах журнала «Сын отечества» первых послевоенных лет о необходимости серьезного научного исследования периода 1812 года.

Уже в 1815 году по указанию генерал-лейтенанта русской армии Карла Федоровича Толя в Главном штабе начинается сбор первичной армейской документации по истории наполеоновского нашествия на Россию. Но для написания первой официальной версии истории обозначенного периода Александр I в 1816 году приглашает французского военного историка и теоретика, бывшего начальника военно-исторической секции в Генеральном штабе Великой армии, Антуана Анри Жомини. Трудно объяснить, какими аргументами, кроме международного статуса ученого, руководствовался российский император, предоставив в распоряжение созданной группе исследователей «важную сумму денег» и «все возможные средства и способы». Не удивительно, что взгляды Жомини на военные события 1812 года не оправдали ожиданий Александра I, и в 1817 году он оставил начатую работу и уехал во Францию. Несмотря на сложившиеся обстоятельства, работа по систематизации документального материала была продолжена К. Ф. Толем, который в общих чертах завершил ее к 1823 году. Были изданы только фрагменты его исследований, основанных на донесениях корпусных командиров и трофейных документах.

Впоследствии научный подход к изучению документального материала отразился в работах участника боевых действий кампании 1812 года Д. И. Ахшарумова, который приступил к написанию истории событий по поручению М. И. Кутузова еще в годы войны. Основываясь на делопроизводственной документации Военного министерства и Главного штаба, а также на личных архивах А. П. Ермолова и К. Ф. Толя, Ахшарумов создает свою версию масштабных событий, отмечая при этом, что она ориентирована на широкий круг читателей. Тем не менее, издание готовилось по поручению и под контролем высшего военного командования, и было утверждено к печати после официального рецензирования Военно-ученым комитетом [10]. Сам Дмитрий Иванович вскоре был официально признан первым историком войны 1812 года и произведен в генерал-майоры.

Первая официальная версия истории 1812 года нигде не упоминается в связи с романом Толстого. В то же время есть определенные переключки в трактовке некоторых событий. Так, например, Ахшарумов оправдывает медлительность и, по мнению многих, нерешительность Кутузова. Он считает, что преграждение неприятелю путей к отступлению опасно, поскольку «совершенное отчаяние в таком случае удваивает его силы, и бой делается равным, а иногда гибельным самому атаковавшему» [10: 259].

Интересно, что первоначально читая отдельные главы романа-эпопеи Толстого, периодически выходившие из печати, Ахшарумов говорит о жанровой неоднозначности сочинения Толстого, определяя задачу писателя как «очерк русского общества шестьдесят лет назад». [11]. Лишь познакомившись с более развернутой версией «Войны и мира», Ахшарумов отмечает, что поэтический очерк вырос «в обширное многотомное сочинение и является теперь перед нами уже не очерком, а большою исторической картиною» [12: 86].

Однако, не смотря на благосклонное отношение цензуры и государя, в труде Ахшарумова не было ссылок на издание «по высочайшему повелению» Александра I, что со временем определило необходимость создания нового, более развернутого исследования важного периода отечественной истории, но уже с «высочайшего повеления» Николая I. Таким «назначенным» историком в тридцатые годы становится Александр Иванович Михайловский-Данилевский. В прошлом адъютант в штабе М. И. Кутузова и активный участник боевых действий, с 1816 года флигель-адъютант Александра I, впоследствии генерал-лейтенант и член Российской Академии Наук, Михайловский-Данилевский по праву считается одним из ведущих военных историков.

В свое время он дал высокую оценку «Описанию...» Д. И. Ахшарумова, назвав его лучшим сочинением, вышедшим на русском языке. Но уже в первые годы правления Николая I все больше говорили о профранцузских взглядах предшествующего правителя. Были даже мнения, что Александр I был склонен умалять значение победы русского народа, как в отечественной, так и во всемирной истории. Необходимость по-новому расставить акценты и закрепить их в сознании современников формирует новую, более развернутую и последовательную версию исторических событий.

Но прежде, чем перейти к оценке исторического труда А. И. Михайловского-Данилевского надо отметить важный вклад в разработку официальной версии истории участника событий 1812 года адъютант начальника Главного штаба П. М. Волконского, а с 1824 года флигель-адъютанта царской свиты, генерал-майора Дмитрия Петровича Бутурлина. Он был участником разработки самой первой версии военных событий, поскольку переводил на французский язык и сопровождал комментариями для А. Жомини материалы К. Ф. Толя. Далее, после отъезда французского ученого, с личного одобрения государя к марту 1820 года он завершает свое исследование. Получив высочайшее одобрение по поводу проделанной работы и «удовольствие принять посвящение сей книги» Его Императорским Величеством, Д. П. Бутурлин издает свой труд «История нашествия императора Наполеона на Россию» одновременно на русском (1823–1824 гг. в Петербурге) и французском (1824 г. в Париже) языках [13]. Несмотря на панегирический и верноподданнический характер данного сочинения, можно говорить о важной просветительской задаче, которая решалась в соответствии с установленными правилами официальной трактовки истории. На это издание обращает внимание Е. А. Берс, упоминая его в числе книг, найденных по просьбе Толстого.

Как уже было отмечено, после смены правителя возникла необходимость расставить новые акценты в историческом осмыслении событий 1812 года. Известно, что А. И. Михайловский-Данилевский при подготовке заказанной ему официальной истории войны 1812 года пользовался не только архивными документами, но также провел большую целенаправленную работу по сбору воспоминаний участников военных событий. Свидетельства генералов и офицеров русской армии стали неотъемлемой частью историографии. Будучи непосредственным участником военной компании 1812 года Михайловский-Данилевский использовал в работе обширный личный архив, что давало возможность представлять в своей работе многочисленные письменные и устные свидетельства очевидцев событий. Его версия отличалась

не только разнообразием и глубиной освещения истории, но также доступностью литературного изложения, приближенного скорее к публицистике, нежели сухому научному описанию. Ведущей идеей новой официальной версии стала идея о народном всеобщем единстве в борьбе с агрессором. Но в этом патриотическом движении главное место отводилось дворянству, которое, по мнению Михайловского-Данилевского, было «умом и душою народа». Также высоко оценивалась роль М. И. Кутузова в разработке стратегии и тактики будущей победы. Именно эти преимущества впоследствии подчеркивал Л. Н. Толстой, поскольку исторический труд Михайловского-Данилевского [14], равно как и другие сочинения данного автора [15], есть в известном списке использованной писателем исторической литературы. В дальнейшем, подчеркивая значение работ Михайловского-Данилевского, Толстой проводит параллель с последующим официальным историком, профессором Николаевской академии Генерального штаба генерал-майором Модестом Ивановичем Богдановичем, причем, не в пользу последнего, констатируя, что в новой истории нет ни одной мысли и ни одной страницы, которую нельзя было бы заменить цитатой из Михайловского-Данилевского.

Новая официальная версия М. И. Богдановича увидела свет в сложный для России период подготовки реформ Александра II [16]. Кризисность ситуации была также связана с Крымской кампанией 1853–1856 гг. Необходимость усилить патриотический дух во многом стимулировала обращение к славным победам русской армии периода Наполеоновского нашествия.

Разворот политики нового правителя в сторону либеральных реформ способствовал демократизации общественной жизни, что не могло не отразиться на состоянии исторической науки. Все более очевидным становилась определенная схематизация прежних трактовок известных событий. Панегирический характер оценки роли государя и его ближайшего окружения, умаление сильных сторон врага, скрытие собственных неудач и ошибок – эти общие закономерности предыдущих официальных версий были оценены как дань политической конъюнктуре. Перед Богдановичем была поставлена нелегкая задача. С одной стороны, нельзя было нарушать основные положения сложившихся в общественном мнении версий восприятия Отечественной войны 1812 года как великой победы над мощным иноземным врагом. Согласно этим взглядам единоличная ответственность за франко-русский конфликт возлагалась на французского императора, поработившего страны Западной Европы. Россия в этом конфликте представлялась как миролюбивое государство, борющееся за сохранение не только своих пределов, но и несущее освобождение зарубежным покоренным народам. Война 1812 года была провозглашена как освободительная и Отечественная. В качестве важнейших условий победы над врагом были определены особенности русской духовной жизни, объединившие в себе религиозные, монархические и патриотические начала.

С другой стороны, уже нельзя было не реагировать на открытые критические замечания в адрес прежних официальных версий. Так, начиная с середины девятнадцатого века, все чаще публикуются в периодических изданиях замечания библиографического характера. Противоречия в содержании русских изданий по истории неоднократно становились предметом серьезной критики со стороны знатока военной истории Ивана Петровича Липранди. Значительная часть его публицистики позже была собрана в отдельный сборник «Материалы для отечественной войны 1812 года» (СПб, 1868). Важно отметить наличие в списках Толстого другого критического исследования Липранди, посвященного пятидесятилетию Бородинской битвы [17].

Также большой общественный резонанс получил многотомный труд французского историка А. Тьера «История консульства и империи во Франции». Четырнадцатый том этого исследования, вышедший в 1856 году, был посвящен войне 1812 года. Это издание на французском языке мы также находим в перечне настольных книг Л. Н. Толстого.

Объясняя начало войны честолюбивыми замыслами Наполеона, Тьер в дальнейшем представляет его не только талантливым полководцем, но и ставит в заслугу защиту прогрессивных идей французской революции и стремление сделать другие страны и народы более либеральными. Такая концепция абсолютно противоречила взглядам российских историков. Справедливости ради необходимо отметить, что основную причину поражения Великой армии в России Тьер справедливо видит в недооценке духовной сплоченности народа, который он собирался победить.

Таким образом, можно констатировать важный поворот к более детальному, отчасти и более критичному пересмотру некоторых устоявшихся положений официальной истории. Так, например, Богданович по-новому оценивает значительный вклад в разработку стратегии и тактики военных действий М. Б. Баркляя-де-Толли, П. И. Багратиона и других исторических деятелей, давая при этом более сдержанную по сравнению с прежними версиями оценку вклада в общую победу над врагом М. И. Кутузова. Скорее всего, именно эти новые акценты в официальной версии отечественной истории Богдановича так возмутили Толстого. Оценка им роли Кутузова соответствовала признанию его заслуг как исключительных и выдающихся. Напротив, значение других российских военных, в первую очередь иноземного происхождения, было неоправданно принижено автором романа-эпопеи, что также стало впоследствии предметом жарких споров историков по поводу исторических реалий «Войны и мира».

Также Л. Н. Толстой не разделял версию Богдановича о заранее спланированной стратегии отступления русской армии в начальном периоде военных действий. В этом вопросе он солидарен с Михайловским-Данилевским, который отрицал наличие такого плана. Речь шла даже не о реальности этих документов, а о патриотическом понимании сложного для русской армии периода. Толстой считал невозможным спланированное оставление своих территорий, которые вместе со всем населением отдавались на растерзание врагу.

В то же время к достоинствам официальной версии событий 1812 года М. И. Богдановича можно отнести стремление историка сопоставить свои исследования с достижениями западноевропейских авторов, среди которых отмечались «беспристрастный и критический взгляд на описываемое события» К. Клаузевица и Т. Бенгарди. Как отмечает И. А. Шеин, «История Отечественной войны 1812 года» Богдановича обладала исследовательской новизной. В первую очередь была расширена фактическая сторона описания боевых действий. Богданович не только «под иным углом зрения подошел к объяснению многих концептуальных положений и особенно к изображению военных действий» [6: 114], но также более детально представил внешнеполитические и экономические противоречия России и Франции.

Важно также отметить, что при всей сухости литературного стиля Богдановича, подчеркивающего официальный характер изложения, автор смог передать общие настроения накануне наполеоновского вторжения. «Признавая высокую религиозность крестьян и городских обывателей, историк справедливо указал на формирование в общественном сознании мифологических предрассудков, согласно которым предстоящая война связывалась с нашествием Антихриста, с концом Света и началом «Страшного Суда Божия» [6: 116]. Как видим, эти параллели присутствуют и в романе Толстого, как бы он ни отрицал значение работы Богдановича. Связь причин народной войны с особенностями не только русского характера, но и русской религиозностью прослеживается как в работе историка, так и в романе-эпопее.

Задача проследить влияние официальных версий истории 1812 года на творческий процесс создания, без преувеличения, эпохального романа-эпопеи Л. Н. Толстого была бы не выполненной без упоминания справочно-биографических изданий. В первую очередь необходимо отметить энциклопедическое издание под редакцией А. И. Михайловского-Данилевского «Император Александр I и его сподвижники в 1, 1813, 1814 и 1815 годах. Военная галерея Зимнего дворца» (1845–1849 гг., Т. 1–5). Известно также, что в 1863 году Толстой приобрел справочное издание «Словарь достопамятных людей русской земли» Д. Н. Бантыш-Каменского (1847 г., Т. 1–3). Среди справочных трудов, использованных при написании «Войны и мира» следует назвать известной многотомный труд А. В. Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения Российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению», вышедших в Санкт-Петербурге в течение 20 лет (1841–1862 гг.).

Подводя итог, можно еще раз оценить тот подвижнический труд историка-исследователя, который проделал Л. Н. Толстой при написании романа-эпопеи «Война и мир», работая с официальными версиями событий Отечественной войны 1812 года. Весьма значительным для авторского понимания эпохи был также широкий спектр мемуарной лите-

ратуры, эпистолярное наследие тех лет. Важно упомянуть и обширный круг знакомых и родственников Толстого, даривших свои воспоминания в непосредственном общении с писателем. Кровные узы связывали Толстого с многими дворянскими родами, давшими России плеяду известных военных и государственных деятелей. Это такие известные династии, как Трубецкие, Волконские, Одоевские, Голицыны, Горчаковы.

Тем не менее, вопрос об исторической достоверности событий 1812 года, отраженных в эпопее «Война и мир», остается актуальным и до сегодняшнего дня. Не будет преувеличением сказать, что большинство наших соотечественников представляют это время в большей мере по роману Л.Н. Толстого, который уже все меньше читается, и все чаще воспринимается через кино- и теле-экранизации. Поэтому актуальной становится тема исторической достоверности этих экранных версий эпического произведения великого русского писателя.

Литература

1. Норов, А. С. Война и мир. 1805–1812: С исторической точки зрения: По воспоминаниям современников (По поводу сочинения графа Л. Н. Толстого «Война и мир») [Текст] / А. С. Норов // Военный сборник, 1868.
2. Толстой, Л. Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://tolstoy.ru/online/90/16/> (дата обращения 1.03.2016).
3. См.: www.litres.ru > Литература 19 века > А. Витмер «1812 год в «Войне и мире»: По поводу исторических указаний IV тома «Войны и мира» гр. Л.Н. Толстого. – СПб, 1869
4. Богданович, М. И. За и против. Что такое «Война и мир» графа Толстого? [Текст] / М. И. Богданович // Голос, 1868. – № 129.
5. Список книг, которыми пользовался Л. Н. Толстой во время писания «Войны и мира» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://tolstoy.ru/online/90/16/> (дата обращения 1.03.2016).
6. Шеин, И. А. Война 1812 года в отечественной историографии [Текст] / И. А. Шеин. – М., 2013
7. Чуйкевич, П. Разсуждения о войне 1812 года [Текст] / И. А. Шеин. – СПб., 1813; Булгаков, А. Я. Русские и Наполеон [Текст] / А. Я. Булгаков. – СПб., 1813; Деминский, Я. Историческое описание войны 1812 года [Текст] / Я. Деминский. – СПб., 1813 и др.
8. Глинка, Ф. Н. Разсуждение о необходимости иметь историю войны 1812 года [Текст] / Ф. Н. Глинка // Сын Отечества. – 1816. – № 4. – Ч. 27. – С. 138–162.
9. Краткая и справедливая повесть о пагубных Наполеона Бонапарте помыслах, о войнах его с Гишпанией и Россиею, об истреблении войск его и о важности нынешней войны / Пере. с немецк. Александр Шишков, – Спб. 1814; Шаликов, П. И. Историческое известие о пребывании в Москве французов 1812 года [Текст] / П. И. Шаликов. – М., 1813; Штейнгель, В. Записки, касательно составления и самого похода санктпетербургского ополчения против врагов отечества в 1812 и 1813 годах, с кратким обозрением всех происшествий во время бедствия и спасения нашего отечества случившихся, и с подробным описанием осады и взятия Данцига [Текст] / В. Штейнгель. – ч. I–II. – Спб., 1814–1815.
10. Описание войны 1812 года Дмитрием Ахшарумовым. – СПб, 1819.
11. Ахшарумов, Д. И. 1805 год: Сочинение графа Льва Толстого [Текст] / Д. И. Ахшарумов // Всемирный труд. – 1867. – № 6.
12. Ахшарумов, Д. И. Война и мир. Сочинение гр. Толстого: 1–4 части [Текст] / Д. И. Ахшарумов // Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» в русской критике. – Л. : 1989. – С. 86
13. Бутурлин, Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году: в 2 ч. [Текст] / Д. П. Бутурлин. – СПб, 1823–1824.
14. Михайловский-Данилевский, А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году, по высочайшему повелению сочиненное [Текст] / А. И. Михайловский-Данилевский. – Ч. I–IV, СПб. – 1839.

15. Михайловский-Данилевский, А. И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году, по высочайшему повелению сочиненное. С 9 планами и картами [Текст] / А. И. Михайловский-Данилевский. – СПб. 1844. Михайловский-Данилевский, А. И. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806–1807 годах, по высочайшему повелению сочиненное. С 23 планами и картами [Текст] / А. И. Михайловский-Данилевский. – СПб. 1846. Михайловский-Данилевский, А. И. Описание похода во Франции в 1814 году. С 23 планами и картами [Текст] / А. И. Михайловский-Данилевский. – изд. 3-е. – СПб., 1845; Михайловский-Данилевский, А. И. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. Военная галерея Зимнего дворца [Текст] / А. И. Михайловский-Данилевский. – Ч. 1–5, СПб., 1845–1849.

Богданович, М. И. История Отечественной войны 1812 года: в 3 т. [Текст] / М. И. Богданович. – СПб., 1859–1860.

16. Липранди, И. П. Пятидесятилетие Бородинской битвы, или Кому и в какой степени принадлежит честь этого дня? Извлечено исключительно из иноземных писателей [Текст] / И. П. Липранди. – М., 1867.

17. Шеин, И. А. Указ. соч [Текст] / И. А. Шеин. – С. 114.

18. Шеин, И. А. Указ. соч. [Текст] / И. А. Шеин. – С. 116.